

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕГИПТА В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ГЕРАКЛЕОПОЛЯ

(IX—X династии)

Падение Древнего царства Египта около 2400 г. до н. э. сопровождалось внутренними смутами и вторжениями чужеземцев. Распад Египта на самостоятельные области и междоусобные войны между ними являются причиной того, что эта эпоха очень бедна как письменными памятниками, так и памятниками материальной культуры и искусства в особенности. Разделение Египта на номы повлекло за собой значительное ослабление сношений с соседними племенами. Между тем эти связи в Древнем царстве достигли уже большого развития. Как археологические раскопки, так и памятники письменности не дают сколько-нибудь значительного материала для выяснения взаимоотношений Египта с другими странами в это время. Важнейшим памятником, освещающим эти связи, является хранящийся в Эрмитаже папирус 1116-а,¹ в котором дается характеристика азиатских племен, кочующих в пограничных с Египтом областях. В дополнение к этому привлекаются некоторые надписи, современные гераклеопольской династии, и данные из „Повести Синухета“, относящейся к Среднему царству.²

Объединение Египта в конце III тысячелетия до н. э., возглавленное фараонами Гераклеопольской династии, проходило в обстановке чрезвычайно обостренной внутривосточной борьбы³ и непрерывных войн с соседними племенами, постоянно нарушавшими восточную границу в дельте Нила. Эти обстоятельства определяли взаимоотношения Египта с азиатскими кочевниками, бывшими непосредственными соседями Египта в Азии. Для характеристики этих отношений мы располагаем небольшим количеством памятников, главным образом письменных. Это прежде всего поучения гераклеопольского царя своему сыну

¹ Отрывки этого папируса хранятся в Государственном Музее изобразительных искусств (ГМИИ) им. А. С. Пушкина (папирус № 1-1-6.86).

² Б. А. Тураев. Рассказ египтянина Синухета. М., 1915.

³ Р. И. Рубинштейн. Внутренняя политика Ахтоя Уахкара. ВДИ, 1948, № 4, стр. 177 и сл.

(Эрмитажный папирус 1116-a verso), надписи гермопольских и сиутских номархов, надписи из гробниц эль-Берше и Шейх Саида. Упомянутая „Повесть Синухета“ хотя и относится к Среднему царству, но дает очень интересную картину жизни азиатских кочевых племен, находившихся в период Гераклеополя на том же уровне развития, что и несколько столетий позже.

На юг Египта, начиная от Тинисского нома, власть Гераклеополя вначале не распространялась. Дельта же была подчинена фараонам гераклеопольской династии. Об этом свидетельствует и гиря с именем Ахтоя I Небкаура, найденная в Питоме,¹ и данные „Поучения“ (папирус 1116-a), совершенно ясно указывающие на то, что Дельта была подчинена еще предшественниками Ахтоя III. Однако обстановка в Дельте продолжала оставаться очень напряженной. Это объяснялось не только причинами внутреннего порядка, но и постоянными вторжениями кочевых племен с запада и востока.

В первых же строках „Поучения“ имеется упоминание об азиатских племенах. Так, в строке 14 сохранилось только одно слово whjtt „племя“ — обычно „племя кочевников“. В строке 17 осталось несколько слов, почти фраза: „... его для племени (кочевников), берегись, чтобы не...“. Все первые строчки поучения (от 1-й по 24-ю) сохранились очень плохо, и о содержании можно судить лишь по незначительным отрывкам фраз и слов, из которых видно, чего больше всего должен опасаться фараон и что является наибольшей угрозой для спокойствия Египта. Оказывается, что таковыми являются: восстание бедноты, мятеж в номах против египетского царя и вторжения из Азии, как об этом говорит „Поучение“ фараона своему сыну.

Усмирение „мятежников“, поднявших борьбу за независимость своих номов, подавление восстаний бедноты и разгром кочевых племен, нарушавших границы Египта, — вот основные задачи, поставленные в „Поучении“, решению которых должна была быть подчинена вся внутренняя и внешняя политика Египта. В этом основная идея политического трактата, каким является „Поучение“, и все рассуждения о религии, морали, о правах и обязанностях фараона подчинены ей.

В свете этих задач следует проанализировать взаимоотношения Египта этого периода (IX—X династий) с азиатскими племенами, кочевавшими в непосредственной близости к его восточной границе, у Дельты. Интересно сопоставить и взаимоотношения гераклеопольских фараонов с южным Египтом, с которым в это время шла длительная и жестокая борьба за гегемонию. Укрепление восточной границы являлось для гераклеопольцев необходимым условием, создававшим возможность продолжения борьбы на юге государства.

¹ Petrie. Hyksos und Israelite cities, British School of Archaeology in Egypt. London, 1906, pl. XXXII A, стр. 32.

В текстах этого времени неоднократно встречаются термины, которыми названы племена кочевников в степях южной Палестины и на просторах Синайского полуострова. В самом „Поучении“ мы находим whjtt „племя“, ḥmw „азиат“, pdtj „лучник“. В современных гераклеопольской династии текстах, кроме вышеупомянутых названий, имеется и такое — hjstjw „жители пустыни“.¹

Если три последних термина можно отнести к азиатским кочевникам, то первый термин — whjtt — может вызвать сомнение, имеет ли он отношение к жителям южной Палестины и Синайского полуострова. Однако этим термином whjtt названы азиатские племена, упоминаемые в рассказе Синухета. К этому же выводу приходит М. Э. Матье в своей работе о терминах родства в древнем Египте² и Шпигельберг, подробно разбиравший этот термин в специальной работе.³

В „Поучении“ очень образно и ярко характеризуется жизнь этих племен (стр. 92 и сл.): „Не сидит он (т. е. „азиат“) на одном месте, бродит он из-за нужды, пересекает он пустыню ногами своими“. Эта фраза не оставляет сомнения в том, что это были кочевые племена, которые переходили с места на место в поисках воды и корма для скота. В условиях полупустынной местности, бедной водой, было возможно только кочевое скотоводство: „плохо место, в котором находится („азиат“), скудно оно водой“, — говорится в „Поучении“ (стр. 97 и сл). Подтверждение того, что они были действительно скотоводами, мы находим на стр. 97, где Ахтой III говорит о добыче, захваченной им у „азиатов“ — это скот, главное богатство этих племен. Источник сообщает, что они кочевали со своими стадами по трудно проходимым горным дорогам и тропам, среди холмов и гор, покрытых кустарником (стр. 92), подходили к самым границам Египта и нередко вторгались в долину Нила, грабили города и поселения и возвращались обратно. Особенно частыми становились такие набеги, когда наблюдалось ослабление политической власти в Египте, и в силу этого не уделялось достаточного внимания охране границ. Тогда буквально все племена приходили в движение. Вооруженные главным образом луками и стрелами, а также частично секирами, кочевники неожиданно подкрадывались к границе страны и врывались в ее незащищенные поселения. Они никогда не объявляли войны, не объявляли дня битвы, но уподоблялись „грабителю“, который боится объединенного отряда („Поучение“, стр. 97). Именно этого положения больше всего опасались в Египте. „Азиат — это крокодил на его берегу, — говорится

¹ K. Anthes. Felsinschriften von Hatnub. Leipzig, 1928, Graffito 25, стр. 13.

² М. Э. Матье. Из истории семьи и рода в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 3, стр. 52—53.

³ W. Spiegelberg. Zu whjtt Stamm, Ansiedlung. Rec. de travaux relat. à la philol. et archéol. égypt. et assyr., t. XXVI, Paris, 1914.

далее в „Поучении“, — грабит он одинокого, не нападает он на округа с многочисленными поселениями“ (стр. 98).

Столкновения и войны с соседними азиатскими племенами происходили на всем протяжении истории древнего Египта и не являются специфической особенностью одной только эпохи гераклеопольской династии. Так об этом и сказано в „Поучении“: „Воюет он (т. е. „азиат“) со времен Гора,¹ но не побеждает он и сам не бывает побежден“ (стр. 93). Кроме указания на давность борьбы с азиатскими племенами, в этой фразе отмечается также характерная особенность этих войн. Здесь обнаруживается невозможность разбить окончательно племена кочевников, которые легко ориентируются в знакомых им местах и ускользают от преследующего их врага по горным тропинкам, скрытым непроходимыми зарослями кустарников.² Кочевникам удавалось избежать полного разгрома, и они вновь появлялись у египетских границ, но сами они не были в состоянии захватить Египет. Для этого они были слишком неорганизованны, малочисленны, примитивен был весь уровень их общественного строя и производительных сил.³ Единственно, на что могли отважиться „азиаты“, это совершать нападения на небольшие изолированные поселения, на одиноких путников-купцов (стр. 98). В период внутреннего ослабления Египта охрана границ обеспечивалась недостаточно, а в отдельных местах исчезала, набеги учащались и становились более дерзкими, разрушительными и начинали угрожать спокойствию всей страны. Когда произошло возвышение гераклеопольской династии, которая стремилась к гегемонии над всем Египтом, основной задачей для объединения севера и юга был разгром кочевников Азии, полная ликвидация угрозы их вторжения, восстановление торговых связей с Финикией и Палестиной.

Другим источником, описывающим Сирию и Палестину в наиболее близкий к гераклеопольской династии период, является „Повесть о Синухете“. События, описываемые в „Повести“, относятся к году смерти Аменемхета I (1970 г. до н. э.) и к началу царствования Сенусерта I (1970—1960 гг.). Таким образом, промежуток времени, отделяющий „Поучение“ от „Повести“, равен примерно полутораста столетиям. Однако описание жизни азиатских племен, кочевавших в непосредственной близости к Египту, настолько совпадает с описанием в „Поучении“, что это позволяет использовать текст Синухета для характеристики кочевых соседей Египта в гераклеопольский период.

¹ Намек на мифологический период, когда царем Египта был Гор, сын Осириса. Выражение имеет смысл: „с давних пор“.

² Сравнить с походом Дария на скифов.

³ Нельзя сравнивать эти кочевые племена с гиксосами. Гиксосы были многочисленны и у них была боевая колесница, т. е. более высокая военная техника, чем у египтян.

С самого начала описание пустынной местности, куда попадает Синухет после своего бегства из Египта, дает ту же картину, что и стр. 92—98 „Поучения“ гераклеопольского царя.

Синухет добирается до границы, где стоит укрепление, известное под именем „стена князя“, выстроенное для защиты от азиатских кочевников, для отражения „бродящих по пескам“. Синухет тайно бежит из Египта, и поэтому он старается перейти границу так, чтобы его не заметила охрана. Осторожно проскользнув, он оказывается в пустынном безводном месте, покрытом кустарником.

О том, что эти места безводны, свидетельствует и то, что Синухет шел, изнывая от невыносимой жажды. Когда он на рассвете добрался до области Кемуэр („Соленых озер“), он чувствовал себя совершенно обессиленным. „Напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало и я сказал: «это — вкус смерти»“ („Повесть“, стр. 20—25). Только люди, попавшие в место, „скудное водой“, и путешествующие по безводной пустынной местности, могут испытывать такие невыносимые страдания от жажды, которые еще тяжелее, чем муки голода.

Спасение для Синухета пришло от кочевников, которые проходили по тем местам. Он рассказывает: „Я услышал голос мычащих стад, я заметил азиатов: узнал меня вождь (mṯn) их, который бывал в Египте. Он дал мне воды, вскипятил для меня молоко. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо“ (стр. 25 и сл.).

Из этих нескольких строк можно извлечь много материала для характеристики племени, с которым встретился Синухет. Это были кочевники, занимавшиеся скотоводством в условиях безводной пустынной местности. На кочевой образ жизни племени указывает неоднократно встречаемый термин — „бродящие по пескам“. В описываемый период это было мирное племя, имевшее, повидимому, достаточно близкую связь с Египтом, где его представители бывали неоднократно либо с приношением дани, либо с торговыми целями. Вождь племени, узнавший Синухета, имел, видимо, доступ ко двору фараона, где он мог встречать Синухета, бывшего придворным вельможей при царском гареме. На родовой строй указывает термин whjtt „племя“, во главе которого стоял вождь (mṯn). Напив и накормив путника, вождь не оставляет его у себя в доме, а ведет его к своему племени. Очевидно, такого дома, в котором вождь или любой член племени чувствовал бы себя полным хозяином, как рабовладелец в своей усадьбе, еще не было. Пришельца принимает не отдельный человек и не вождь, а все племя в целом. Синухету по законам гостеприимства оказали в племени хороший прием, тем более что его знал вождь племени. Кроме того, имеется одна мелкая, но очень характерная черта, лишняя раз доказывающая наличие родового строя в этом азиатском племени. „Азиат“, подобравший Синухета, был вождем, следовательно представителем

родоплеменной знати. Однако внутри племени отношения были просты и примитивны. У вождя не было своего слуги и, повидимому, он сам приготовил пищу Синухету („вскипятил молоко“), может быть даже сам его подал. Вождь сам же повел его к своему племени. Когда Синухет описывает свое возвращение в Египет, он не раз говорит о том, что „каждый слуга был при исполнении своих обязанностей“, слуги сопровождали его, готовили ему пищу, приготавливали его одежду и т. п. Сопоставление этих данных „Повести“ Синухета очень ярко показывает разницу в социальной структуре рабовладельческого Египта и родоплеменной примитивной организации азиатских кочевников, населявших южную Палестину.

В дальнейшем Синухет переходил от одного кочевого племени к другому, добрался до области к востоку от Библа и остался жить в Кедеме,¹ где он провел полтора года. В конце концов Синухет попал в Верхнее Ретену к правителю Энши, сыну Аму, у которого он и остался жить до возвращения в Египет.

Эта часть „Повести Синухета“, описывающая Палестину и Сирию, тоже очень интересна и имеет большое значение для истории этих стран времени начала Среднего царства, но выходит за хронологические рамки настоящей темы. Описываемые племена, обитатели Верхнего Ретену, находились на стадии разложения родового общества. Наряду со скотоводством они занимались и земледелием, вели полуседлый образ жизни, имели войско, у них уже был „царь“, вероятнее всего типа „басилевса“ гомеровской эпохи, имелись и „начальники“ племени. Повидимому, это был уже союз племен. Во всяком случае, все эти черты, характерные для племени или союза племен Верхнего Ретену, не могут служить параллелью к тем племенам „азиатов“, которые описаны в „Почении“.

В этой части „Повести“ необходимо обратить внимание на одну сторону, имеющую значение для характеристики взаимоотношений Египта с Сирией и Палестиной.

При дворе Энши, сына Аму, царька Верхнего Ретену, жили египтяне и до появления Синухета; Б. А. Тураев² считал их политическими эмигрантами. К царю приходили из Египта послы. Это указывает на независимость Палестины от Египта в тот период и на наличие мирных отношений между этими странами. Подобные отношения, наступившие после ряда длительных войн и столкновений, стали возможными лишь благодаря политике, проводимой фараонами IX—X династий, которые укрепили восточную границу Египта и заставили азиатских кочевников прекратить свои систематические набеги на Дельту.

¹ Кедем — общее название для Востока.

² Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 18, прим. 2.

В этом отношении очень много было сделано фараоном IX династии Ахтоем III Уахкара, эта борьба была отражена и в „Поучении“, автором которого являлся сам фараон.¹

Главными противниками гераклеопольских фараонов на юге были фиванские номархи, от них шла угроза захвата севера и создания Египетского государства под владычеством Фив. Борьба шла на южной границе у Тинита. Чтобы развязать себе руки и укрепить положение на севере, необходимо было обеспечить Египет от возможности вторжения азиатских племен. Поэтому Ахтой III обратил серьезное внимание на борьбу с кочевниками и на укрепление восточной границы. Ему удалось в этом отношении добиться очень больших результатов. Были мобилизованы все военные силы у дельты Нила. Опираясь главным образом на северные войска, Ахтой мог нанести „азиатам“ решающий удар. В то же время под командованием Сиутского номарха Тефьеба другие войска были сосредоточены у южной границы. Египтяне на севере дошли до стоянок бедуинов, разбили их, разрушили их поселения и угнали скот в Египет. „Я дал разбить их Дельте, я разграбил их поселения, захватил их стада, чтобы отвратить азиатов от Египта“, — говорит фараон („Поучение“, стр. 96—97). После этого Ахтой укрепил границу, построил вдоль нее целый ряд городов, точнее укрепленных поселений, и оставил там как охрану гарнизоны воинов. „Смотри, вбит кол азиатов мною. Я сделал на востоке границу от Хебену до дороги Гора... населенной городами, полными людьми (может быть „призванными“) на земле до границы ее, чтобы отражать нападение тех, кто находится там в ней“ (стр. 88—90). После этого царь с полным правом мог сказать своему сыну, что ему больше не надо беспокоиться о восточной границе, ему следует только продолжать то, что начато было его отцом. Дважды повторяется эта мысль в строках 38—39 „Поучения“: „смотри за границами твоими“, „укрепляй границу твою“, „округа твои“, и в строках 62—63: „Смотри за границами твоими, укрепляй памятники твои, полезны отряды для владыки их“.

Ахтой добился полного успеха: на севере „укреплены были границы в Дельте и сильны ее крепости“ (стр. 102). Он с гордостью заявляет, что никому еще до него не удалось сделать больше, чем он. „Я посмотрел бы на сильного (т. е. героя, богатыря), который прошел бы мимо этого и сделал бы больше, чем я“ (стр. 90). Сын не должен пренебрегать советами отца, данными им на основании собственного опыта: „пренебрегающий моим наследством, плох он“ (стр. 90—91).

Результатом этой политики был мир на восточной границе Египта и возобновление торговли с Финикией, которая поставляла лес.

¹ Эрмитажный папирус, 1116-а и папирус ГМИИ, I, 16, 86.

Военные походы египтян вначале были оборонительными, чтобы „отвратить азиатов от Египта“. Однако и тогда они носили грабительский характер. Это — типичные войны рабовладельческого государства, нападавшего на соседние земли, в погоне за добычей, за недостающим сырьем и за людьми. Характерные для периода Древнего царства, эти черты еще больше усиливаются в период Среднего царства, когда земли не только грабят и разоряют, но их захватывают и облагают данью население.

Выше мы видели описание жизни кочевых племен, которые жили в примитивных условиях, находились на более низкой ступени культуры, чем египтяне.

Возвратясь из своего путешествия по пустыням, Синухет пишет: „Слуга, находясь при исполнении своих обязанностей, скидывал годы с моего тела“, т. е. благодаря омоновениям и косметике сбросил следы многих лет некультурного образа жизни. „Я отдал тяжесть пустыне“, т. е. омылся от пыли и грязи, „одежды свои — обитателям песков“ (пестрые одежды бедуинов). „Я был одет и в тонкую ткань, умащен лучшим маслом, а ночь я спал на постели. Я отдал песок живущим на нем, деревянное масло тем, кто им умащается“.¹

Иной характер взаимоотношений имеет место на юге, между Гераклеополем и Фивами.

Пограничным номом между ними считался Тинис, область, на которую одинаково претендовали и гераклеопольские династии IX—X и XI династия фиванских фараонов, к тому времени уже самостоятельных.

Цари XI династии склонны были рассматривать область от 1-го до 10-го нома Верхнего Египта как свои наследственные владения, которые, согласно фиванской традиции, сохранялись в их роду по женской линии. Нофрукаит, жена одного из преемников номарха Антефа, может быть, Антефа II Уаханха,² говорит о том, что она наследовала от своей матери людей от Элефантины до Афродитополя³ (10-й ном Верхнего Египта).

Неоднократные упоминания Тиниса в „Поучении“ совершенно четко показывают, что гераклеопольские правители рассматривали эту область как подвластную им территорию.

Если основной причиной войны между Гераклеополем и Фивами является борьба за власть над всем Египтом, то постоянным поводом к непрекращающейся вражде был спорный Тинисский ном.

Эта область попала под власть Гераклеополя сравнительно поздно, так как еще при Ахтосе II Мерибра Абидос, расположенный в Тинисе,

¹ Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 43.

² E. Meyer. Geschichte des Altertums, 5-te Aufl. Stuttgart, 1925, Bd, I, § 276.

³ Lange und Schäfer. Grab und Denksteine des Mitleren Reichs, N 20543, стр. 10.

еще не принадлежал Ахтою II. Лишь Ахтой III Уахкара (автор знаменитого „Поучения“) мог с гордостью заявить, что он закрепил за собой Тинисский ном: „Я прославляю себя из-за Тиниса, Маки и границы юга до Таут, я схватил их подобно потоку, не делал этого Мерибра правоголосый“ (стр. 72—73). Однако власть Гераклеополя в Тинисе была непрочной. В пользу этого предположения говорит тот факт, что гераклеопольские цари не попали в царский Абидосский список, как не имевшие отношения к Абидосскому храму. И хотя в „Поучении“ уделяется много внимания строительству храмов и культу Осириса, тот факт, что они не принимали участия в постройке и украшении Абидосского храма, можно объяснить только тем, что период их господства в Тинисе был очень кратковременным. Начавшаяся вскоре война Фив под руководством Антефа II Уаханка¹ за Тинис против Ахтоя III сделала положение Гераклеополя еще более неустойчивым.

Эта непрочность господства над южными номами, пограничными с Фивами, где росло и усиливалось могущество фиванских правителей XI династии, вызывала по отношению к Тинису, да и ко всему югу в целом со стороны гераклеопольских царей, очень осторожную и мягкую политику: „не поступай плохо с югом; ты знаешь сказанное столпцей относительно этого“ (стр. 71). Более того, Ахтой III, подобно своим предшественникам, заботился о снабжении южных номов хлебом: „вот я делал подобное тому, что было сделано предками: не было у них (т. е. у южных номов) зерна, дали ему его“ (стр. 77). Гераклеопольские фараоны прекрасно понимали значение юга для объединения всего Египта и всеми силами стремились закрепить за собой Тинис, удобный плацдарм для нападения на Фивы и для дальнейшего продвижения вверх по Нилу.

Это же стратегическое и экономическое значение Тиниса прекрасно учитывали и фиванцы.

В конце царствования Ахтоя III началась война, причем сильно пострадал Тинисский ном. „Смотри, дурные дела произошли в мое время. Разрушена область Тиниса. Случилось это из-за того, что было сделано мною. Узнал я это после того, как это было сделано. Смотри, необходимо это. Плохо это. Неполезно это для меня. Остерегайся возмездия за удар подобным (ударом)“ (стр. 119—120).

Это единственное место в „Поучении“, где прямо говорится о войне. Очевидно, произошло внезапное нападение на Тинис со стороны Фив, и отдельные военные действия со стороны Гераклеополя развернулись до того, как об этом узнал сам фараон. Ситуация, повидимому, была такова, что действовать пришлось быстро и решительно. В результате область Тиниса сильно пострадала, и Ахтой чувствует себя ответственным за это.

¹ Lange und Schäfer, ук. соч., Каирская стела № 20, 512.

Памятники фиванского круга, прежде всего стела номарха Джари,¹ раскрывают смысл этих строк „Поучения“ гераклеопольского царя, так же как и Каирская стела (20512) Антефа II. Характер обоих памятников позволяет сделать вывод, что разгром Тиниса произошел по вине фиванцев, переступивших границу, что и вызвало ответные действия со стороны Гераклеополя. Впрочем, Ахтой III не снимает с себя полностью вины за события в Тинисе и оправдывается только тем, что его репрессии были вызваны обстоятельствами.

Нигде нет прямых указаний на характер этих обстоятельств. Можно только предположить, что Тинис в борьбе Фив с Гераклеополем, вероятно, оказал поддержку первым, за что и понес наказание. И хотя Ахтой III подчеркивает, что эти жестокие меры были „необходимы“ („Поучение“, стр. 120), он прекрасно отдавал себе отчет в том, что такая политика не привлечет Тинис на его сторону, а скорее вызовет отпор. Недаром он пишет, как было указано выше, „плохо это, не полезно это для меня, остерегайся возмездия за удар подобным“ (стр. 120).

Для того чтобы ослабить напряженное положение, создавшееся на юге, Ахтой стал проводить очень мягкую и осторожную политику. „Будь милостив с ними (т. е. с жителями юга)“. „Восстанавливай крепости. Будь хорош со стороны юга, и придут к тебе носители даров с дарами“. „Будь снисходителен к усталости их ради тебя, придет к тебе гранит (из Ассуана) без помехи“ (стр. 74—77).

Чем же можно объяснить такую мягкую политику Ахтоя III по отношению к Тинису и к югу вообще, требование снисходительности и заботы о людях, даже снабжение их зерном в случае недостатка у них хлеба. Эта осторожная политика в отношении юга, и особенно Тиниса, объясняется тем, что Ахтой III был не уверен в прочности мира с фиванцами. Установление „status quo ante bellum“ и после войны несколько не решало спорных вопросов владения Тинисским номом, не уничтожало опасности войны с обеих сторон.

Превосходство гераклеопольцев, позволившее им закрепить границу в Тинисском номе, было, однако, не слишком велико. Ясно, что фиванцы, не отказавшиеся от своих притязаний на этот ном, готовили дальнейшее наступление. События,² развернувшиеся после смерти Ахтоя III, оправдывают его предположение. Новой войны с фиванцами должен был опасаться Ахтой III, и ради этого он стремился упрочить за собой юг. Единственным оплотом Гераклеополя на юге был Сиут, прежний ном, где сидели номархи, тесно связанные с домом Ахтоя, возможно даже родственными узами, о чем свидетельствует надпись

¹ F. Petrie. Qurneh I. School of Archaeology of Egypt, London, 1909, pl. II.

² Последующая война между Фивами и Гераклеополем при Мерикара и окончательная победа фиванского царя Ментухотепа III.

сиутского номарха Ахтоя I.¹ Своей мягкой и осторожной политикой Ахтой III хотел создать себе подобный же оплот и в Тинисе, ставшем при нем пограничным номом. Тинисский ном, фактически мало связанный с Гераклеополем, мог при новой войне легко перейти опять на сторону Фив.

Эту политику по отношению к Тинису Ахтой распространял и на весь юг, т. е. от 1-го до 10-го номов, население которых тоже состояло из египтян, возможных подданных Гераклеополя в будущем, при условии разгрома фиванской династии. Поэтому их необходимо было привлечь на свою сторону мягкой политикой, снисходительностью к невыполненным обязательствам и предоставлением им хлеба.

Разница между характером внешней политики Гераклеопольской династии на востоке и ее политикой на юге Египта выступает очень ярко в „Поучении“ Ахтоя, где четко видна мысль, что войны рабовладельческих государств являются грабительским способом добычи рабов и имущества.²

По отношению к югу Ахтой предостерегает в своем „Поучении“ от грабежа и разрушения городов, он требует мягкости и по отношению к людям и установления спокойствия во всей стране (стр. 80—81).

В известный момент пришлось отступить от этого правила и в войне с югом, где были допущены акты насилия и репрессий. Царь находит оправдание своим поступкам, он объясняет их необходимостью. Поведение Тиниса вызвало применение оружия: „смотри, необходимость была в том, что я совершил“ (стр. 121).

Идеи Ахтоя III напоминают в зародыше те идеи, которые были впоследствии развиты греками, в частности Платоном.³

Таким образом, в период, когда в Египте шла борьба за укрепление рабовладельческой собственности, борьба за создание объединенного могущественного государства, отношения к соседним пограничным племенам носили чисто военный характер. Египтяне не только укрепляли границу, чтобы оградить себя от внешних вторжений, но и сами неоднократно совершали набеги с захватом добычи и военнопленных, что тоже должно было способствовать утверждению рабовладельческой собственности в период укрепления египетского государства.

¹ Griffith. The inscriptions of Siut and Dêr Riteh. Гробница V.

² Мишулин. Идея права в международных отношениях греков. ВДИ, 1946, № 2, стр. 61.

³ П л а т о н. Республика, 475а.